

Взгляд Чу Минчжана задержался на Ли Чжи лишь на миг, а затем его лицо вновь приняло обычное бесстрастное выражение.

— За зеркалом, на самой верхней полке, — бросил он, убирая руку с дверной ручки, и повернулся, чтобы уйти.

Но не успел Ли Чжи опомниться, как тот вернулся и швырнул ему длинные брюки:

— Надень эти.

Брюки всё равно оказались велики, но, к счастью, в пояс был вдет шнурок. Ли Чжи затянул его потуже, чтобы ткань не сползала с бёдер, а слишком длинные штанины просто подвернул.

Высушив волосы в ванной и вернув на переносицу очки, он наконец решился выйти. В руках он сжимал пакет со своей грязной, испорченной школьной формой. Не зная, куда деть себя от неловкости, Ли Чжи покосился на Чу Минчжана, который непринуждённо откинулся на спинку дивана.

— Эм... спасибо тебе большое, — робко выдавил он.

Тот сидел в наушниках и даже не повернул головы. Ли Чжи смущённо потеревил пальцы и заговорил едва слышно:

— Я... я постираю вещи и обязательно верну.

«Ну вот и всё, мне пора». Они ведь не были друзьями — так, случайные одноклассники, едва знакомые люди. Ли Чжи до сих пор не понимал, почему вечно холодный и неприступный Чу Минчжан вдруг решил прийти ему на помощь.

— Тогда я пойду. До свидания.

— Не нужно, — негромко перебил его Чу Минчжан.

Их голоса прозвучали одновременно. Чу Минчжан, кажется, тоже на секунду замялся. Он стянул наушники на шею. С этого ракурса его точёный профиль казался ещё более резким, почти суровым.

— Не надо возвращать, — повторил он. — Выброси или делай что хочешь.

—... А, хорошо, — после короткого замешательства Ли Чжи послушно кивнул, словно заверяя самого себя. — Хорошо.

Он смутно помнил, как добрался до общежития. Ужинать не хотелось. Ли Чжи просто забрался на кровать, обхватил колени руками и долго сидел так, уставившись в одну точку.

В шесть вечера зазвонил будильник. Ли Чжи вздрогнул и перевёл взгляд на прикроватную тумбочку, где стоял маленький белый флакон. Время приёма. Он потянулся к нему, но в самый последний момент, когда пальцы почти коснулись пластика, резко отдёргнул руку.

Когда-то он составил подробное расписание, расписав дозировки и часы приёма каждого лекарства. Каждая минута была на учёте. Но теперь...

Резкий, сухой треск рвущейся бумаги нарушил тишину комнаты. Листок с расписанием превратился в клочья и осел на дно мусорного ведра белыми хлопьями. Следом туда же полетели разноцветные флаконы. Ли Чжи смахивал их со стола без тени сомнения, его лицо оставалось пугающе спокойным.

Он прекрасно знал, чем грозит резкая отмена препаратов. Его ждали бесконечные, изнуряющие кошмары и внезапные вспышки боли по всему телу...

И всё же он сделал это. Более того — внутри шевельнулось странное, почти сладостное предвкушение. В его сознании давно укрепились нелепые логические цепочки: день рождения — это обязательно торт, после пощёчины всегда следует утешение, за издевательствами приходит спасение, а любая боль неизбежно влечёт за собой капельку тепла. Израненный разум сотворил опасную иллюзию, и Ли Чжи начал искать в страданиях скрытую прелесть.

Он медленно повернулся и посмотрел в угол, где сиротливо лежала куча грязной школьной одежды, от которой до сих пор нёсло тухлой водой из спортивного зала.

«Разве может быть ещё хуже?» — подумал Ли Чжи.

На экстренном заседании совета директоров школы решение приняли единогласно: директора Вана лишили должности, а его сына, Ван Кайсюаня, со скандалом отчислили. Вся его банда тоже понесла наказание. Под раздачу попал даже Хань Цзыяо — ему вклеили строгий выговор и отстранили от занятий на неделю.

Ван Кайсюань давно привык считать себя хозяином школы, но так жестоко и безрассудно избил человека впервые.

Наглец знал, что за ним стоит влиятельный отец, готовый замять любую низость, если дело не дойдёт до морга. Но в этот раз отцовские связи не помогли. Ван Кайсюань крупно погорел, потому что кто-то очень влиятельный решил его уничтожить.

На следующее утро после избиения Ли Чжи, ровно в семь часов, на почту каждого члена совета директоров пришло анонимное письмо с прикрепленным видеофайлом. Это была запись с камеры видеонаблюдения, установленной в старом спортзале, который как раз готовили к ремонту. Время съёмки — час дня предыдущего дня.

Отправитель действовал нагло, но поразительно расчётливо. Звук на записи полностью убрали, а лица скрыли под лёгкой цензурой — пиксельной сеткой. Впрочем, мозаика была настолько тонкой, что любой, кто близко знал этих парней, без труда узнал бы их с первого же просмотра.

Чжоу Госюн, входивший в число учредителей школы, разумеется, тоже получил это видео. Он мгновенно узнал в избитом, жалко сжавшемся на полу подростке своего младшего сына, Ли Чжи. Гнев миллиардера был страшен.

Да, он недолюбливал этого мальчишку, но тот оставался его плотью и кровью. Что себе позволили эти щенки? Подобная дерзость была не просто хулиганством — Чжоу Госюну фактически плюнули в лицо перед всем высшим светом города.

Скандал замяли молниеносно. Ли Чжи вызвали лишь для формального опроса, задав несколько дежурных вопросов. О том, какие бури бушевали за закрытыми дверями конференц-зала, он так и не узнал.

Ему лишь сообщили конечный итог: Ван Кайсюань исключён, а его отец выдворен из состава акционеров. Бывший директор Ван уходил с заседания с серым, безжизненным лицом. Садясь в машину, он прекрасно понимал: из-за глупости своего непутёвого отпрыска он превратил Чжоу Госюна в смертельного врага.

В мире крупного бизнеса все ниточки связаны. Каким бы прочным ни казалось положение Вана-старшего в городе S, тягаться с Чжоу Госюном, которого за глаза называли патриархом розничной торговли, было чистым самоубийством.

Крах его бизнеса был предрешён, но несчастный отец ещё не подозревал, что это лишь начало кошмара.

Примерно через неделю Ван Кайсюань, улетевший в Нью-Йорк, чтобы переждать бурю и развеяться на Манхэттене, попал под колёса мчавшейся на огромной скорости Машины-призрака. Смерть наступила мгновенно. Виножник скрылся с места аварии, а позже полиция обнаружила его тело — водитель покончил с собой, якобы испугавшись наказания.

Американские детективы тщательно проверили все связи погибшего самоубийцы, но не нашли ни единой ниточки, связывающей его с кем-либо из Китая. В итоге гибель Ван Кайсюаня списали на трагическое дорожно-транспортное происшествие, и дело закрыли за отсутствием улик.

Впрочем, всё это случится гораздо позже.

А пока жизнь в школе продолжалась. Из-за скандала с Ванамы Ли Чжи превратился в местную знаменитость. О нём и раньше шептались на каждом углу, но после той драки отношение одноклассников стало окончательно ясным: его начали избегать, словно прокажённого.

Самого Ли Чжи это нисколько не задевало. Скорее наоборот — всеобщее отчуждение казалось ему благом. Теперь он мог спокойно ходить на уроки, не оглядываясь по сторонам в ожидании очередного пинка или злой шутки.

Тревожило его совсем другое. Мысль об этом заставляла сердце ускорять бег и отзывалась слабой дрожью в груди.

Ли Чжи опустил взгляд на запечатанный пакет, который прижимал к себе. Внутри лежали аккуратно сложенные вещи — чистые, выглаженные с такой тщательностью, будто их только что принесли из дорогой химчистки.

Та самая одежда, которую одолжил ему Чу Минчжан.

Парта Чу Минчжана стояла прямо за его спиной. Ли Чжи достаточно было просто обернуться, чтобы заговорить с ним и вернуть долг. В течение дня у него была уйма возможностей сделать это совершенно естественно.

Но каждый раз он упускал момент. Стоило ему набраться храбрости и повернуться, как смелость мгновенно улетучивалась под холодным взглядом одноклассника. То Чу Минчжан проходил мимо, едва мазнув по нему глазами, то внезапно звенел звонок на урок.

В итоге учебный день подошёл к концу, а пакет так и остался лежать в рюкзаке.

Вернувшись в общежитие, Ли Чжи никак не мог найти себе места. Он уселся за письменный стол, раскрыл учебник, но строчки расплывались перед глазами. Все его мысли занимал единственный человек.

Он вспоминал, как сегодня в класс залетел огромный шершень. Он с противным жужжанием метался под потолком, заставляя девчонок с писком прятаться под парты, пока Чу Минчжан обыденным, точным движением не прихлопнул его тяжёлым словарём.

А ещё сегодня они встретились взглядами. Чу Минчжан посмотрел прямо на него...

Ли Чжи резко поднялся, схватил пакет и, не давая себе времени передумать, выбежал из комнаты.

Им овладело безумное, непреодолимое желание увидеть Чу Минчжана. Прямо сейчас. Он мчался по переходам до нужного корпуса без остановки. Внутри лифта, медленно поднимавшегося на верхний этаж, в замкнутом пространстве кабины, Ли Чжи отчётливо слышал частый, гулкий стук собственного сердца.

Но стоило ему оказаться перед заветной дверью, как на смену порыву пришёл липкий страх. Зачем он поддался эмоциям? Который вообще час? А вдруг Чу Минчжана нет дома? Или он сочтёт этот визит верхом бестактности?

«Может, уйти?.. Верну завтра, ничего не случится».

Но рука сработала быстрее разума. Пальцы сами потянулись к кнопке звонка. Короткая трель эхом разнеслась по тихому коридору. Сердце Ли Чжи сделало кульбит, и в ту же секунду замок щёлкнул, а дверь распахнулась.

Чу Минчжан уже успел переодеться в домашнюю свободную футболку. Он стоял на пороге и сверху вниз смотрел на незваного гостя. Ли Чжи так и застыл перед ним в нелепой позе — наполовину развернувшись, готовый в любую секунду пуститься наутёк.

Ли Чжи приоткрыл рот, чувствуя, как жаркая волна смущения заливает шею и уши. Он поспешно выпрямился, пытаясь придать себе непринуждённый вид:

— Привет, Чу Минчжан...

— Ты? — Чу Минчжан держал дверь полуоткрытой, явно не собираясь приглашать его внутрь.
— Что-то случилось?

— Извини, что беспокою. Я... я принёс твои вещи.

Собрав остатки мужества, Ли Чжи протянул пакет перед собой, уставившись в пол, лишь бы не встречаться с ним взглядом.

Одноклассник не спешил забирать пакет. Ли Чжи судорожно сглотнул и торопливо зачистил:

— Прости, что так долго не возвращал. Я всё постирал... несколько раз. И погладил. Одежда чистая, честное слово.

Повисло тяжёлое, почти осязаемое молчание. Рука Ли Чжи затекла, но он не смел опустить её. Дыхание перехватило. Ему отчаянно хотелось подсмотреть, какое выражение сейчас на лице у Чу Минчжана, но тот был слишком высоким. Всё, что Ли Чжи видел перед собой — это пластиковый пакет, углы которого он со страху измял пальцами.

В душе снова шевельнулось раскаяние.

«Зачем я вообще пришёл?»

Но в этот миг тяжесть из его рук исчезла.

— Спасибо. Извини за хлопоты, — ровно произнёс Чу Минчжан.

Проблема, которая весь день не давала ему покоя, решилась за пару секунд. Ли Чжи растерялся. Потребовалось некоторое время, чтобы осознать происходящее.

— А... да, конечно.

— Тогда я пойду. Пока.

Ли Чжи не хотел стоять и смотреть, как перед его носом закрывается дверь, поэтому развернулся и быстро зашагал к лифту. Чу Минчжан проводил его взглядом, а затем опустил глаза на пакет.

— Минчжан? Кто там пришёл? — раздался из глубины комнаты голос Хань Цзяо.

Чу Минчжан не ответил. С совершенно равнодушным видом он подошёл к мусорной корзине в углу прихожей и брезгливо швырнул туда пакет.

Только после этого он прошёл в гостиную, взглянул на сидевших на диване приятелей и небрежно бросил:

— Да никто. Человек один, неважно.

<http://bllate.org/book/20441/2131260>